

**РЕЦЕНЗИЯ ОРТОДОКС (Л.И. АКСЕЛЬРОД) НА КНИГУ
"МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ".
("Современный мир", 1909 г., июль, N 7.)**

Вл. Ильин. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. Издательство "Звено". Москва. 1909 г. Стр. 438. Ц. 2р. 60 к.

Философское основное содержание этой книги может быть изложено очень кратко. Вот это содержание.

Эмпириокритицизм представляет по существу возрождение философии Беркли и Юма. Провозглашая себя научной философией, соответствующей методам и задачам современного естествознания, эмпириокритическая теория познания, являясь на деле субъективным идеализмом, находится в явном противоречии к действительным основам положительной науки. В своей мнимой борьбе против метафизики и кантовой вещи в себе эмпириокритики не подвинулись вперед, а ушли далеко назад. Вещь в себе Канта подвергалась критике с двух сторон. Это понятие критиковали и справа, и слева. Мыслители правого крыла, устранив с поля опыта кантову вещь в себе, вернулись к философии Берклея и Юма. Мыслители из левого лагеря, материалисты, восстали против кантовой вещи в себе с другой точки зрения.¹

Признавая вместе с Кантом внешнюю реальность, материалисты отвергают в то же время вещь в себе. Вещь в себе Канта отличается от реальности, признаваемой материалистами, тем, что первая, будучи совершенно оторванной от явления, остается по ту сторону его, образуя интеллигибельный мир, между тем как вторая связана с явлением, проявляется в нем, составляя, таким образом, действительный источник опыта. Далее, *сущность* и основа материализма состоит именно в том, что он признает внешнюю, объективную реальность, существующую независимо от субъекта и причиняющую наши ощущения. Этим исходным кардинальным положением определяются с точки зрения материалистической теории все проблемы, затрагиваемые философией, как и научным мышлением вообще. Таковы главные положения лежащей перед нами книги.

Вдумчивый, внимательный и незабывчивый читатель, следивший за **философской** полемикой различного рода эклектиков-марксистов с **ортодоксальными** марксистами, сразу заметит, что *по существу* Ильин не сказал ничего такого, что не было бы высказано раньше последними. Беда, однако, не в том, что в книге Ильина нет новых мыслей: подчас разработка уже высказанного известного взгляда может быть чрезвычайно интересна и чрезвычайно оригинальна, если только она, эта разработка, отличается серьезной, вдумчивой и тонкой аргументацией. Но, увы! книга Ильина не обладает такими качествами. В аргументации автора мы не видим ни гибкости **философского** мышления, ни точности **философских** определений, ни глубокого понимания **философских** проблем. В общем, книга состоит из громадного количества выдержек, взятых из различных произведений **философских** писателей, и множества справок хронологического свойства. Такой эклектический способ изложения, делающий чтение книги крайне утомительным, вряд ли может содействовать развитию философской мысли у читателя. Обилие цитат обыкновенно привлекает того писателя, который из них склеивает произведение, и, пожалуй, еще и того писателя, который из такого произведения их списывает.

Что же касается читателя, то он только тогда серьезно вникает в смысл приведенной выдержки, когда автор сумел своим собственным анализом сделать ее достаточно интересной. В противном случае читатель бегло просматривает цитаты, спеша узнать мысли автора, который в данный момент, естественно, занимает его прежде всего и больше всего.

Перейдем теперь к сути книги.

Разделяя ее общие положения, постараемся, насколько это нам позволяют размеры рецензии, отметить главные на наш взгляд ошибки автора.

¹ Заметим мимоходом, что такое огульное деление критиков кантовой вещи в себе не совсем соответствует истине. Гегель, напр., не был ни субъективным идеалистом и ни материалистом, а вещь в себе критиковал, да еще как критиковал.

Нападая на защищаемую Г.В. Плехановым теорию символов, Ильин пишет:

"Плеханов сделал явную ошибку при изложении материализма" (стр. 282). Ибо, «если ощущения не суть образы вещей, а только знаки или символы, не имеющие "никакого сходства" с ними, то "подвергается некоторому сомнению существование внешних предметов, ибо знаки или символы вполне возможны по отношению к мнимым предметам, и всякий знает примеры таких (подчеркнуто автором) знаков или символов» (стр. 277).² Сказано весьма решительно, но энергичная форма этого рассуждения нисколько не мешает ему быть ошибочным от начала до конца.

Теория, согласно которой ощущения суть символы вещей, так же мало подвергает сомнению существование последних, как мало подвергает, например, сомнению математическая формула $2d$, выражающая сумму углов в треугольнике, существование треугольника. Рассуждая таким образом, Ильин, сам того не подозревая, берет аргументацию против теории символов из **философии** Берклея. "Знаки или символы, — заявляет наш автор, — вполне возможны по отношению к мнимым предметам". Конечно, возможны. А разве галлюцинации, сновидения и всяческие иллюзии и заблуждения суть образы или копии предметов?

Отвергая теорию символов и считая ощущения образами или "неточными" копиями вещей, критик Плеханова становится на дуалистическую почву, проповедуя платонизм наизнанку, а отнюдь не материалистическую **философию**, исходящую из единого начала. Если бы ощущения были образами или копиями вещей, то на какого дьявола, спрашивается, понадобились бы нам вещи, которые в таком случае действительно оказались бы вещами в себе в абсолютном смысле этого слова? Признать ощущения образами или копиями предметов значит снова создавать непроходимую дуалистическую пропасть между объектом и субъектом.

Теория символов, *утверждая существование и субъекта, и объекта, объединяет оба фактора, рассматривая субъект, как своеобразный объект, а его ощущения, как продукт взаимодействия между двумя объектами, из которых один есть в то же время и субъект.* На этой именно *объективной и монистической* точке зрения стоит современная наука.

В доказательство несостоятельности теории символов Ильин указывает на дуалистические выводы, которые были сделаны на этой теории Гельмгольцем.

Шаткое доказательство. Тот факт, что Гельмгольц, запутавшись в кантианстве, выводил из теории символов ложные заключения, доказывает лишь **философскую** непоследовательность знаменитого естествоиспытателя, но не ошибочность этой теории.

Нет такой **философской** истины, исходя из которой, нельзя было бы при ее одностороннем развитии прийти к ее прямой противоположности. И теория символов не составляет, конечно, исключения из этого правила.

Неосновательные нападки нашего автора на теорию символов имеют своим источником его полное непонимание сущности наивного реализма. Судя по разбросанным, отрывочным замечаниям, Ильин отождествляет наивный реализм с материализмом, ставя эмпириокритикам в упрек, что они не настоящие наивные реалисты. Это поистине непозволительная ошибка для материалиста. Что такое наивный реализм? Наивный реализм есть точка зрения человека, незнакомого с научным объяснением явлений природы. Такой наивный человек считает звук, запах, теплоту, холод и т.д. объективными элементами. Эту именно точку зрения защищают эмпириокритики, облекая ее в тонкую метафизическую форму. Эмпириокритики являются, таким образом, настоящими наивными реалистами. Само собою разумеется, что между наивным реалистом, так сказать, от природы и наивным реалистом — теоретиком незнания, есть громадная разница, но основа наивного реализма, которая сводится к полному отождествлению психического и физического, остается для обоих одной и той же.

² Этот довод выставляется против Гельмгольца, но он же является главным доводом и против Плеханова.

Материализм же стоит на той точке зрения, что ощущения, вызванные действием различных форм движения материи, не похожи на объективные процессы, порождающие их.

Теория символов связана, следовательно, с материалистическим объяснением природы самым тесным и неразрывным образом. А отсюда следует что не Г. В. Плеханов, а Ильин "сделал явную ошибку при изложении материализма".

Не более удачным оказался и второй поход, предпринятый Ильиным против Г. В. Плеханова

Ильин цитирует из предисловия Плеханова к "Людвигу Фейербаху" Энгельса следующие строки: «Один немецкий писатель замечает, что для эмпириокритицизма опыт есть только предмет исследования, а вовсе не средство познания. Если это так, то противопоставление эмпириокритицизма материализму лишается смысла, и рассуждения на эту тему о том, что эмпириокритицизм призван сменить собою материализм, оказываются пустыми и праздными». Критике этой цитаты Ильин посвящает небольшую главу под внушительным названием «Ошибка Плеханова относительно понятия "опыта"». В этой главе Ильин, по обыкновению, много цитирует, сопоставляет цитаты, что-то выясняет, а в результате приходит к такому заключению: «Выходит ли Плеханову, что противопоставление взглядов Карстаньена, Авенариуса и Петцольда материализму лишается смысла!» (стр. 170). Нет, совсем не то выходит по Плеханову, которого Ильин абсолютно не понял. Плеханов не отождествляет понятия опыта эмпириокритиков с понятием опыта материалистов, как это ему, по-видимому, желает приписать Ильин, а говорит в этой цитате условно; если верно, что эмпириокритики смотрят на опыт, как на предмет исследования, то эмпириокритицизм занимается не *теорией опыта*, а *психологией* и поэтому противопоставление эмпириокритицизма материализму равносильно противопоставлению части целому. Вот и все, что сказал Г. В. Плеханов, мысль которого, повторяем, Ильин не понял или не хотел понять.

Пойдем дальше.

Не выдерживают ни малейшей критики главы книги, посвященные разбору закона причинности и взаимоотношения свободы и необходимости. «Вопрос о причинности, — заявляет автор, — имеет особенно важное значение для определения философской линии того или другого новейшего "изма" (какой жаргон!), и мы должны поэтому остановиться на этом вопросе несколько подробнее» (стр. 173).

Ильин, как видите, понимает серьезное значение этого вопроса и он действительно подробно останавливается на нем, но качество не соответствует, к сожалению, количеству, ибо в обширной главе автор не только ничего не сказал по существу вопроса, но обнаружил непонимание этой сложной проблемы. Зная критику Вундта, направленную против эмпириокритицизма, Ильин даже не сумел воспользоваться справедливым указанием лейпцигского мыслителя на то, что эмпириокритицизм смешивает понятие *causa* с пониманием *ratio*, причинность в процессах природы с логической зависимостью.³

Не менее слаба и глава «Свобода и необходимость». Для характеристики содержания этой главы достаточно указать хотя бы на следующее место: «Энгельс, — пишет Ильин, — не занимается вымучиванием "определений" свободы и необходимости, тех схоластических определений, которые всего более занимают реакционных профессоров (вроде Авенариуса) и его учеников (вроде

³ Wundt W. Philosophische Studien, B-d. XIII, 1897, S. 325. Вундт ставит это смешение в упрек Авенариусу, но Вундт справедливо видит в учении последнего настоящий эмпириокритицизм.

Богданова). Энгельс берет сознание и волю человека — с одной стороны, необходимость природы⁴ — с другой и вместо всякого определения, всякого дефинизма, просто говорит, что необходимость природы есть первичное, а воля и сознание человека вторичное. Последние должны, неизбежно и необходимо должны приспособляться к первой; Энгельс считает это до такой степени самоочевидным, что не теряет лишних слов на пояснение своего взгляда» (стр. 218). Хорошо, что взгляды Энгельса в достаточной степени знакомы русской читающей публике; в противном случае подобная их передача могла бы компрометировать мыслителя. Энгельс, как это известно к Ильину, примыкал по этому вопросу к Гегелю, а Гегель разрешал вопрос об отношении свободы и необходимости не так просто, как это изображает Ильин.

Далее, решительно невозможно обойти молчанием и способ полемики автора

Полемика Ильина, отличаясь некоторой энергией и настойчивостью, всегда отличалась в то же время крайней грубостью, оскорбляющей эстетическое чувство читателя. Но когда грубость проявляется в боевых злободневных статьях, то ей можно найти оправдание; на поле битвы нет ни времени, ни спокойствия для того, чтобы думать о красоте оружия. Но когда крайняя, непозволительная грубость пускается в ход в объемистом произведении, трактующем так или иначе о **философских** проблемах, то грубость становится прямо-таки невыносимой.

Не соответствуют истине и потому именно грубы и возмутительны эпитеты, которыми Ильин награждает мыслителей из позитивистского лагеря. Авенариус «кривляка» (стр. 94), «имманенты» — «**философские** Меньшиковы» (стр. 142), Корнелиус — «урядник на **философской кафедре**» (стр. 256), в «ноздревски-петцольдовском смысле слова» (стр. 262). Или такой перл: «Петухи Бюхнеры, Дюринги и К^о (вместе с Леклером, Махом, Авенариусом и пр.) не умели выделить из навозной кучи абсолютного идеализма «диалектики — этого жемчужного зерна» (стр. 287). Уму непостижимо, как это можно нечто подобное написать, написавши, не зачеркнуть, а не зачеркнувши, не потребовать с нетерпением корректуры для уничтожения таких нелепых и грубых сравнений!

Из русских махистов достается от Ильина больше всего П. Юшкевичу. С Богдановым, Луначарским и Базаровым он обращается куда вежливее. Это должно быть, потому, что в области политики Ильин, подобно всем махистам-большевикам, сам принимал все свои ощущения и все свои представления за реальную действительность.

В заключение два слова о положительных сторонах «материализма и эмпириокритицизма» Ильина. Положительно и важно в этой книге прежде всего то, что автор горячо и страстно защищает истину. Во-вторых, книга не лишена отдельных метких и остроумных замечаний. В-третьих, в этой книге чувствуется живой, свежий, бодрый и революционный тон. Этих качеств вполне достаточно для того, чтобы рекомендовать читателям эту книгу, ибо существует на белом свете много книг, которые пользуются большим успехом и которые такими качествами не обладают.

⁴ Заметим, между прочим, что выражение Энгельса "Naturnotwendigkeiten", означающее "необходимости в природе", Ильин перевел совершенно неправильно "необходимость природы". Ясно, что в этом неправильном переводе мысль Энгельса получает априорно-метафизический характер.